

Двое долго смотрели друг другу в глаза, но в итоге Дуань Чэн первым отвел взгляд. Он отвернулся, и в его выражении лица промелькнула легкая неловкость.

Жунь Цин прыснул со смеху, словно Дуань Чэн задал какой-то нелепый вопрос.

— Старый знакомый, кто же еще... Он младше меня на год или два, но вечно заставляет называть его братом. Я приехал в Цзинчэн, чтобы устроиться в лечебницу и подзаработать денег, помочь учителю открыть свою аптеку. А он как раз собрался в столицу на экзамены, вот я и поехал с ним под предлогом, что буду его сопровождать.

Дуань Чэн приподнял бровь:

— Он действительно приехал на экзамены?

Жунь Цин ответил уверенно:

— Да.

Взгляд Дуань Чэна скользнул по столу, где лежал керамический сюнь. Он помнил, что в западной комнате этой вещицы раньше не было, и спросил:

— Этот сюнь твой?

Жунь Цин кивнул:

— Да, в свободное время иногда поигрываю, чтобы развеять тоску.

Дуань Чэн улыбнулся:

— Господин Сюй, сегодня я многим обязан вам за смену повязки. Хотя мне нельзя пить вино, но чаю-то можно? У меня в Нижнем городе есть чайная, почему бы нам не сходить туда посидеть? Считайте это знаком моей признательности.

Жунь Цин опустил ресницы, пытаясь скрыть сложные чувства:

— Твоя рана еще не зажила, не стоит лишний раз ходить.

— Пустяки, — Дуань Чэн внезапно поднялся и, легко взмахнув полами верхней одежды, накинул ее на плечи. — Поедем в карете, это не утомительно. К тому же ты весь день был на ногах, пора бы и поесть. Хотя моя чайная и не сравнится с лучшими заведениями Цзинчэна, но у меня есть отличный повар, выписанный из Наньюня. Пусть приготовит пару блюд на твой

вкус, поедим и побеседуем.

Жунь Цин немного помедлил, но в конце концов кивнул:

— Хорошо. К тому же у меня как раз есть пара слов, которые я хотел бы сказать господину.

Услышав это, Дуань Чэн просиял улыбкой.

Карета выехала из Внутреннего города. Когда они проезжали через ворота, стражники почтительно склонились, пропуская их. Дороги в Нижнем городе были не такими ровными, как во Внутреннем, и когда колеса попадали на камни, карету покачивало. Дуань Чэн протянул руку и придержал Жунь Цина за плечо — его пальцы задержались на мгновение, прежде чем он убрал их. Их взгляды встретились, но тут же разошлись в стороны. В воздухе повисла тонкая, едва уловимая тишина, в которой, казалось, было слышно биение сердец.

Когда карета остановилась, Дуань Чэн ловко спрыгнул на землю и обернулся, протягивая руку Жунь Цину:

— Осторожнее, давай помогу.

Жунь Цин сделал вид, что не заметил этого, и самостоятельно сошел с кареты. Рука Дуань Чэна замерла в воздухе, а затем он молча опустил ее. В глазах его промелькнула тень разочарования, но он все же мягко добавил:

— Смотри под ноги.

На выходе их встретила женщина с прической, украшенной кисточками. Она была одета в шелковое платье цвета примулы вечерней, а сверху накинута накидка с длинными рукавами цвета магнолии. Хотя она и не была ослепительной красавицей, в ней была своя утонченная прелесть.

— Господин сегодня пришел с гостем, это большая редкость, — женщина слегка поклонилась, и ее голос прозвучал мягко, словно вода.

Дуань Чэн произнес:

— Этот господин Сюй молод и талантлив, он мастер медицины. Только приехал в Цзинчэн, а уже стал лекарем в одной из именитых лечебниц. Его ждет блестящее будущее.

Женщина, услышав это, мельком взглянула на Жунь Цина и, прикрыв рот платком, смущенно улыбнулась:

— Господин Сюй действительно выглядит как человек выдающийся, неудивительно, что господин так к нему благоволит.

Дуань Чэн обернулся к Жунь Цину:

— Чжижоу — наш мастер чайной церемонии, она невероятно искусна, скоро сам увидишь.

Жунь Цин лишь слегка кивнул, не проронив ни слова. Чжижоу, видя это, не стала докучать разговорами, лишь улыбнулась и указала им путь.

Хотя Бэйдань всячески притеснял и эксплуатировал народ государства Юнь, презирая их за военную слабость, с другой стороны, они преклонялись перед культурой Юнь-Ся. Будь то поэзия, музыка, живопись или чайные и благовонные церемонии — знать Бэйданя почитала за честь владеть ими в совершенстве.

— Господин, господин Сюй, прошу сюда.

Они вошли в чайную, построенную прямо над водой. Стоило распахнуть резные деревянные окна, как перед глазами предстала безмятежная гладь озера.

Жунь Цин прислонился к окну, его взгляд был прикован к пейзажу. В ночи поверхность озера напоминала кусок черного стекла, в котором отражались россыпи звезд, а над водой изящно изогнулся белокаменный мост. Вечерний ветерок шевелил ветви плакучих ив у берега, и те, касаясь водной глади, поднимали мелкую рябь, словно шепча о чем-то сокровенном.

Вдалеке в беседках покачивались теплые желтые фонари, их свет ложился на воду, сплетаясь с тенью моста в нежное сияние. Зрелище было почти нереальным, хотелось подойти ближе, но в то же время было страшно разрушить этот поэтический сон.

— Это озеро вырыли искусственно, — Дуань Чэн, отдав распоряжения Чжижоу, подошел к Жунь Цину со спины. Он наклонился, и его голос прозвучал прямо у самого уха: — Провели воду, посадили ивы, построили беседки. А ночью, когда зажигают фонари, здесь становится по-особенному уютно.

Жунь Цин нахмурился. Искусственное озеро — сколько же сил и средств было потрачено на него, и все лишь ради того, чтобы любоваться пейзажем. Он поджал губы, но в конце концов промолчал, лишь едва заметно кивнул:

— В самом деле, очень необычно.

Дуань Чэн, не заметив перемены в его настроении, с воодушевлением продолжал:

— Если тебе нравится, приходи почаще.

Жунь Цин не ответил. Он отвел взгляд от озера, отошел от окна и оглядел комнату.

В чайной повсюду были яркие, броские цвета: на стенах висели картины, где пейзажи были выписаны алыми и синими красками с золотым контуром, выглядя вызывающе; чайный столик был застелен парчой с пестрым, запутанным узором, от которого рябило в глазах; даже чайная утварь была не из традиционного фарфора, а из яркой глазурованной керамики с изображениями птиц и цветов.

Эти смелые цвета и дизайн перекликались с нарядом Чжижоу, словно бросая вызов правилам, но при этом создавая свой собственный, своеобразный стиль.

Дуань Чэн взглянул на Жунь Цина:

— Не совсем то, что ты представлял, верно? — Он небрежно опустился в кресло с расшитой золотом подушкой, приняв расслабленную, но элегантную позу, словно находился у себя дома.

Жунь Цин слегка кивнул:

— Действительно, это совсем не похоже на привычное.

Дуань Чэн сделал глоток мятного отвара, который принесла Чжижоу:

— Все эти литераторы любят строить чайные в виде хижин, кичась своей простотой и отрешенностью. Но я человек простой, зачем мне притворяться и следовать их манерам? Чайная церемония — дело вкуса, а от ярких красок на душе становится веселее.

— Следовать своим желаниям — это, конечно, хорошо, — внезапно проговорил Жунь Цин холодным тоном. — Но если делать это лишь ради того, чтобы выделиться, теряется сама суть чайного пути. Чайная церемония требует чистоты помыслов, а не внешнего блеска. Столь вызывающая роскошь лишь отвлекает, мешая по-настоящему насладиться вкусом чая.

— О? — Дуань Чэн усмехнулся, в его глазах блеснул любопытный огонек. — И каков же, по-твоему, истинный путь чая?

Жунь Цин прямо посмотрел на него:

— Чашка простого чая и свиток книги — этого достаточно. Излишние украшения — это как рисовать змее ноги: лишь пустая суета.

Дуань Чэн поставил чашку на стол и пристально посмотрел на Жунь Цина:

— Забавно. Ты первый, кто осмелился сказать мне такое прямо в лицо.

Жунь Цин остался невозмутим:

— Я лишь сказал правду.

— Фу Ин, — Дуань Чэн на мгновение задумался, а затем внезапно спросил: — Как ты думаешь, в этом мире нужно следовать правилам или же поступать так, как велит сердце?

<http://bllate.org/book/19776/1948385>